

советом по философии Министерства общего и профессионального образования России в качестве учебника по курсу «Философия» для студентов высших учебных заведений.

Таким образом, мы наблюдаем, что образование (а следовательно и культура в целом) развиваются в том направлении, которое называют регрессом.

Литература

1. Грэхем Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М.: Политиздат, 1991. – 480 с.
2. Запесоцкий А.С. Образование: философия, культурология, политика. – М.: Наука, 2002. – 456 с.
3. Замалеев А.Ф. Лекции по истории русской философии: В 2 ч. Ч.1. начало XX в. Учебное пособие. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. – 172 с.
4. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – 224с.
5. Бердяев Н.А. Новое средневековье. – М.: Феникс – ХДС-пресс, 1991. – 84 с.
6. Оствальд В. Великие люди. – СПб, 1910. –398 с.
7. Герцен А.И. Былое и думы. Л.: ОГИЗ Гослитиздат, 1946. – 888 с.
8. Фромм Э. Душа человека. – М.: Из-во «Республика», 1992. – 431 с.
9. Сперри Р.У. Перспективы менталистской революции и возникновение нового научного мировоззрения // Мозг и разум. М.: Наука, 1994. – С 20 - 44.
10. Реалистическая философия: Учебник для вузов / . Зобов Р.А., Обухов В.Л., Сугакова Л.И. и др. / Под ред. В.Л.Обухова. – 3-е изд., перераб. СПб.: СПбГАУ, ХИМИЗДАТ, 2003. – 384 с.
11. Кругляков Э.П. «Ученые» с большой дороги. –М.: Наука, 2001. –320 с.

Горюнов В.П.

СУБЛИМАЦИЯ РОССИИ

Санкт-Петербург, СПбГПУ

Понимание духовности, как отражения объективной социальной реальности, определяется пониманием закона самой социальности, который может быть представлен в виде техносциальной формулы общества. В соответствии с данной формулой общественное производство, независимо от уровня развития, принципиально не может обеспечить всеобщее выживание людей, из чего следует его насильственный характер и наличие в обществе отношения “цель - средство” в качестве фундаментального социального отношения. Оно присутствует в межиндивидуальном и в межобщностном взаимодействии.

В лозунге гуманизации общественного сознания, конкретизируемом в призыве к гуманитаризации образования, идее антропологического поворота в философии и прочих вариантах обращения к проблеме человека, объективно выражается ощущение действия техносоциальной формулы общества. Данное ощущение означает утрату последнего Абсолюта, с признанием которого человек имел точку опоры в своей жизни, когда ему было во что верить, на что надеяться и что любить. Сначала наука вытеснила из сознания Бога и модель всеобщего спасения, а потом, отвергнув идею вечного двигателя, сама оказалась неспособной обеспечить всеобщее выживание людей. Бог умер, наука обманула, и люди остались наедине друг с другом перед лицом природы, как единственной объективной реальности, при том условии, что в этом совместном существовании чья-то жизнь оказывается всего лишь простым средством другой жизни. При этом чем больше говорят о гуманизме, тем меньше в него верят, а в реальной деятельности руководствуются прагматизмом во всех аспектах бытия.

Всеобщей, универсальной идеологической формой, отражающей социальный интерес, является религия. Следовательно, столкновение социальных интересов наиболее последовательно отражается в сознании как борьба религиозных идей. Других устойчивых форм идеологического противостояния людей цивилизация не придумала. Так, националистические идеи оказываются жизнеспособными лишь при условии их религиозного оформления, и потому оккультнистский национал социализм и атеистический интернационал-коммунизм лишь ненадолго овладели умами людей в условиях позднего 20-го века, а всякого рода синтетические религии, не имеющие определенной национально-исторической почвы, вообще по своей природе бессмысленны.

Историческая необходимость (закономерность) религиозного оформления общественной жизни вытекает не из результатов абстрактного спора о признании или отрицании существования Бога как такового (то и другое всего лишь способ идеологического моделирования мира), а из практики социальной борьбы в рамках действия техносоциальной формулы общества. Столкновение социальных интересов - это, в конечном счете, столкновение в борьбе за выживание, которая объективно бескомпромиссна и потому абсолютна. Она не имеет рационального обоснования вне самого факта стремления к жизни и опирается на идеологический абсолют, такой же всеобщий и универсальный, как сама борьба за выживание. Таким образом, борьба за своего

Бога есть борьба за свое исключительное право на жизнь, и наоборот, -борьба против чужого Бога есть оправдание борьбы против чужой жизни.

В этом смысле пример России, как многоконфессиональной общности, является дополнительным свидетельством необходимости в ней политического централизма, направленного на реализацию объективно единого интереса России в ее существовании среди других общностей и подавляющего действие внутренних дезинтеграционных факторов, в том числе имеющих религиозную оболочку.

Лидирующей, благополучной общности присущи передовая техника и технология, их обеспечивают передовая наука и образование, высокая эффективность деятельности высококвалифицированных людей обеспечивается высоким уровнем жизни (пища, жилье, транспорт, медицина, отдых) и надежной защищенностью прав и свобод во внутреннем и внешнем существовании общности. Все это в своей совокупности означает способность общности эффективно (выгодно для себя) взаимодействовать с другими общностями. Иначе говоря, происходит обмен неравными стоимостями, обусловленный неравенством уровней технологического развития.

У материально благополучной общности нет стремления ни к перескакиванию через какие-либо этапы развития, ни к особому духовному возвышению; духовность в этом случае утрачивает свой целеобразующий, смысложизненный характер и низводится до статуса простой потребительской ценности. Обеспеченные люди и страны живут в настоящем, то есть именно живут. Будущее для них – это нечто понятное и простое, просчитываемое. Его не надо торопить, приближать, с усилием к нему приближаться. Надо только действовать в соответствии с заданным алгоритмом. Будущее для таких людей и стран скорее потенциальный источник проблем, чем обещание лучшей жизни.

Необеспеченные люди и страны, напротив, стремятся к будущему, мечтают о нем, борются за него. Россия всегда была устремлена в будущее, всегда отвергала прошлое, никогда не была довольна настоящим. По аналогии с физическим процессом, сублимация России означает переход из одного состояния в другое, минуя промежуточную фазу (например, водяного пара в лед). Такой переход Россия совершала неоднократно, совершает она его и сейчас. При этом Россия всегда догоняет и делает в своем развитии исторические рывки, у нее никогда не было времени для того, чтобы пройти весь путь. По аналогии с психологическим процессом, сублимация России означает компенсирование

ее неспособности к спокойно-благополучной жизни возвышением своего духа, это противопоставлением обыденности сытого бытия.

В начальный период реформ в России ее культура вместе со всей социальной сферой оказалась вытесненной на периферию общественного развития по причине ее бюджетного содержания, а точнее – была снята с этого содержания. В последующем в ходе установления свободы самовыражения и передвижения людей культура в значительной степени коммерциализировалась и обрела способность к самофинансированию. Реформирование России продолжилось под звон церковных колоколов, многоголосицу шествий и ритмы карнавалов, мелодии фестивалей и конкурсов.

Однако при таком способе существования, перестав быть обузой для общества, культура одновременно перестала быть и его духовной опорой, то есть изменила свое качество. Культура, если она становится сферой вложения денег с целью получения прибыли, утрачивает свой национальный характер и общественную предназначенность. Такая культура не нуждается в общественной поддержке ни со стороны государства, ни со стороны меценатов. Наоборот, она размывает и подтачивает национально-общественные устои, поскольку утрачивает свою социально-репрессивную функцию и освобождает, полностью реабилитирует подсознание. Задачей культуры остается одно – делать жизнь привлекательной, превращать ее в ценность саму по себе, сводить ее смысл к проживанию как таковому.

Поэтому не случайно зазвучавшая в последнее время постановка задачи возрождения величия России сопровождается постановкой задачи по сохранению и дальнейшему развитию ее культуры, а именно тех ее областей и направлений, которые, упрочивая нацию, сами нуждаются в общественной, прежде всего государственной, поддержке. Такие заявления со стороны государства симптоматичны в том плане, что они свидетельствуют о серьезности намерений укреплять свои позиции во благо сохранения и упрочения целостности России. Следующим шагом, свидетельствующим о зрелости нового российского общества, должно стать осознание необходимости крепить его духовный стержень представителями деловых кругов, имущих слоев населения. Меценат, в отличие от шоу-бизнесмена, получает прибыль от вложения в культуру денег не в тех же деньгах, а в виде более консолидированного общества и более сильного государства, что является более надежным и эффективным вложением, поскольку создает более благоприятные условия для развития в целом.

Кажущееся на фоне нищеты и разорения безумным стремление России изменить мир зрелищностью на самом деле имеет под собой вполне реальные

основания. Общественная функция культуры — создание мифа, конструирование иллюзорного мира, нормативами которого люди должны руководствоваться в реальном мире.

Культура не существует сама по себе, она принадлежит: народу — по форме, хозяину — по содержанию. Тот, кто владеет культурой, владеет сознанием общности. Поэтому по мере укрепления российского государства будет необходимо совершаться расприватизация культуры в смысле возврата государственной монополии на ее идейное содержание. Вообще вопрос о типе культуры есть одновременно вопрос о типе власти, особенно в той мере, в какой сама власть является частью культуры.

Власть оказывается в состоянии действительно управлять общностью, а не лавировать в двух случаях:

1) Когда люди от нее не зависят (нет личной зависимости от персон власти), но она нужна всем, поскольку обеспечивает порядок, будучи подотчетной и подконтрольной. Власти доверяют, поскольку могут ее контролировать. То есть власть в определенном смысле деперсонализована, подобно тому, как деперсонализирован образ фанерной фигуры с прорезью для лица конкретного фотографируемого человека.

2) Когда власть именно персонализирована, такой власти боятся и слепо доверяют до тех пор, пока не начинают с ней бороться. Обычно такая власть сакрализована, ей просто не обойтись без сакрализации: Царь — наместник Бога на Земле, вождь — необыкновенный человек. Президент республики обыкновенный человек, поэтому он либо диктатор (как в латиноамериканских странах), либо выборное дежурное лицо (как в развитых странах Запада).

В России пока что нет ни сакрализации власти на почве национальной идеи, ни диктатуры какой-либо группировки: для сакрализации вождя нет идеи, для появления диктатора нет реальной силы.

Человек в этом мире один, он никому ничего не должен и ему никто ничего не должен, он абсолютно свободен, а в России люди изначально приучаются к нормативности долга и ответственности, доводимых до состояния жертвенности. Соответственно, в кризисные, переходные периоды обостряется вечная актуальная для России проблема отцов и детей.

Традиционно повышенная экзистенциальность России выражается в религиозности, мемориальности, парадной демонстрационности, ритуальной торжественности, ретрофилии. С точки зрения приписываемых России крайностей порядка и смуты, смирения и бунта ее современное неустойчивое состояние характеризуется сочетанием того и другого. Наряду с тенденцией к экзистенциальной возвышенности, в рамках смятения духа одним из проявлений сублимации российской жизни является преобладание перед слушающей

интерпретирующей российской аудиторией зрелищных творческих работников, претендующих на владение социальной истиной и знание тайны человеческого бытия. Вместе с тем, новаторство в изображении человека чаще всего сводится к синтезу форм, - мистики, фантастики, патетичности, жестокости, извращенности и т.д. Все силы брошены на придумывание жизни, поскольку о реальной жизни нечего сказать. Было время, когда пытались показать ее романтизм, идейность и героизм, трагизм и комичность. Остался показ жизни как развлечение, но не учение. Как будто о человеке больше нечего сказать, и творчество сводится к тому, *как* сказать и *как* показать. Главное, чтобы было не так, как раньше, не так, как всегда. Действующие лица во время спектакля уже не выходят из-за кулис, а спускаются сверху на подвесных скамейках или вообще висят на дереве и периодически слезают с него для монологов и диалогов, а когда герой с черепом в руке вопрошает знаменитое «быть или не быть» и при этом в великом раздумье мочится в оркестровую яму, восторгу публики нет предела.

В целом ничего странного нет в том, что Россия нуждается в пище духовной не менее, чем в пище материальной. Для России культура особенно важна потому, что она подменяет реальную жизнь иллюзией, умножая тем самым страсти и волю. Как отдельный индивид может настолько углубиться в творчество, что необратимо потеряет чувство реальности, так и Россия способна к безмерному воодушевлению. Весь вопрос в том, кто и куда ее поведет.

Гребенникова Д.А.

ОСНОВНЫЕ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА ПРАВОСЛАВНОГО ХРАМА

Известный русский религиозный философ о. Павел Флоренский подчеркивает, что образ храма создается путем синтеза искусства, в котором каждый компонент важен и значим, и все вместе они образуют неразрывное единство.

Образ храма многоаспектен. При этом важно помнить, что все составляющие созданы не только как выражение определенного художественного замысла, но и несут в себе догматическое учение православной церкви. При самом первом рассмотрении храмовый образ создается при участии архитектурного решения, внутреннего убранства (живопись, утварь), облачения, литургического действия, включающего в себя пение.

Следует отметить, что икона (фреска)- одна из наиболее значимых составляющих строя церковного образа. Изучение её содержания и смысла